

История и теория политики

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2021-3-5-14

ТЕОРИИ ТОТАЛИТАРИЗМА: К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОСТИ

Н. В. Клименко, В. В. Седов, И. И. Потапов

Клименко Никита Владимирович, студент факультета политологии,
Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: klimenkomikita@gmail.com (ORCID: 0000-0002-1276-0870).

Седов Владислав Васильевич, студент факультета политологии,
Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: wladislawsedow@gmail.com (ORCID: 0000-0001-7915-8457).

Потапов Иван Иванович, аспирант института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»,
Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: ivan.i.potapow@gmail.com (ORCID: 0000-0003-1982-1469).

Аннотация

Исследования тоталитаризма в современной науке видоизменяются. С течением времени стало понятно, что необходим пересмотр основных подходов к изучению данной проблематики. Статья посвящена рассмотрению основных теоретических концепций тоталитаризма XX–XXI вв. на предмет их ангажированности. Была сделана попытка системного рассмотрения существующих работ, с целью выявления схожих и различных черт в подходах к изучению. Методология исследования базируется на анализе трудов ведущих философов и политологов. Сравнительный метод исследования помог увидеть, насколько научные труды и их авторы были ангажированы. Благодаря обозначению в работе конкретных временных промежутков авторы смогли определить параллели, которые существуют в доминирующих и периферийных взглядах на феномен тоталитаризма. Авторы рассматривают разные уровни проблематики, которые мешают формированию отстраненного научного дискурса о данном явлении. На основе реальных исторических примеров были сделаны некоторые выводы о теории тоталитаризма и связанных с ним концепций. Анализ отдельных исследований помог сформулировать и понять основные взгляды на данный политический режим. Главным итогом статьи стала возможность постановки вопроса об объективности подходов европейских и американских ученых в исследовании тоталитаризма.

Ключевые слова: тоталитаризм; политические системы; формы правления; идеология; демократия; либерализм.

При сохранении очевидных коннотаций, связанных с данным феноменом XX в., термин «тоталитаризм» активно используется в нынешней политической популистской риторике, а также в гуманитарных науках (Сташис, 2020). В смысловое поле понятия неизбежно привносятся идеологические представления, выработанные в ходе Второй мировой и «холодной войн». Следовательно, возникает вопрос: каким образом можно избавиться от эмоциональной окраски и ангажированности в исследованиях тоталитаризма, навязанных контекстами XX в. В данном исследовании предлагается пересмотреть существующий подход к изучению данной политической системы как феномена, избавившись от предрассудков.

Данное исследование строится на семиотическом подходе к пониманию феномена «тоталитаризм». Для работы основными были выбраны классификационный и казуальный анализ существующей литературы, которая была изучена через призму трех временных промежутков: период до Второй мировой войны, с 1945 по 1980-е гг., с 1990-х гг. по настоящее время.

Сегодня характеристика «тоталитарный» часто соотносится со словами «деспотичный» и «диктаторский». При такой широкой трактовке генеалогия данной политической системы может не только проследиваться в тоталитарных режимах XX в., но и отсылать нас к формам правления Древнего Египта и Шумерского Царства. Так, например, С. Андрески говорил о тотальном контроле в эпоху птолемеев, а К. Виттфогель выделял «гидравлические общества» в древнем Китае и Месопотамии. В них проследивается тенденция к «неограниченной власти» и «чрезмерному автократическому и бюрократическому террору», что подводит к выводу об «архетипе тоталитарных режимов», коими являются «гидравлические общества» (Сташис, 2020).

Как отмечает российский историк В.И. Михайленко, мы сталкиваемся с тремя видами тоталитаризма: с историческими примерами тоталитарных режимов XX в., типологизированной концепцией тоталитарного государства и теорией тоталитаризма в форме умозрительной модели, разработанной в рамках сравнительного анализа политических явлений (Михайленко, 2011). При этом нельзя утверждать, возможно ли адекватно применять столь идеологически наполненное понятие для описания политических и социальных смыслов без привлечения в него лишних коннотаций. На примере зарубежных исследователей мы можем наблюдать множественные примеры проявления «тоталитарности». Идеологизация мышления становится спутником массовизации человека.

Вместе с тем соотнести понятие «тоталитаризм» с нынешними социально-политическими образованиями становится проблематично. Возникает необходимость обосновать как легитимность самой концепции, так и ее использование в совершенно иной технологической, информационной и экономической реальности. В связи с этим В. И. Михайленко справедливо указывает на возможность применения к понятию «тоталитаризм» термина «блуждающий феномен» (Михайленко, 2011). Мы можем выявить траекторию движения рассматриваемого понятия, что должно помочь в определении актуального смысла данного феномена в условиях конкретного контекста и правомерности дальнейшего развития предложенной концепции тоталитаризма.

Анализ ранних работ о тоталитаризме

Немецкий историк Й. Петерсен обнаружил впервые введенное понятие «тоталитаризм» в статье итальянского политического деятеля либерального толка Дж. Амендола в журнале «*Il Mondo*» 12 мая 1923 г. В ней характеризовался фашистский режим Муссолини как «тоталитарная система» (Amendola, 1923). Целью введения прилагательного *totalitario* (от лат. *totalis* – целый, полный) стала критика избирательной системы фашистской Италии. Как отмечал Й. Петерсен, таким способом Дж. Амендола не только указал на яркое отличие фашистской избирательной системы на фоне ранее действующих *sistema maggioritario* и *sistema minoritario*, но и предупредил, что такой процесс приведет к установлению неограниченной и абсолютной политической власти одной партии (Petersen, 2004). Л. Бассо, итальянский антифашист, кто следующим использовал термин в газете «*La Rivoluzione Liberale*» от 2 января 1925 г.: «Все государственные органы, корона, парламент, магистратура, которые согласно традиционной теории воплощают в себе три власти, и вооруженные силы, которые осуществляют их волю, превращаются в инструмент одной единственной партии, которая подчиняет их одной воле, смутному тоталитаризму» (Михайленко и Нестерова, 2000). Антифашисты активно использовали данное понятие в качестве критики, но фашисты не стали отрицать свою к нему причастность. Более того, они начали активно употреблять этот термин в программных речах, а позднее и вовсе сделали тоталитаризм частью собственной политической повестки.

Уже 22 июня 1925 г. Муссолини, обращаясь к оппозиции, впервые говорил о «тоталитарной воле фашизма» (Petersen, 2004). По мнению немецкого историка Й. Петерсена, это выступление стало решающим в использовании фашистами понятия «тоталитаризм» в позитивном ключе и началом его эксплуатации. Он же приводит слова члена фашистской партии Р. Ф. Даванзатти, сказанные в феврале 1926 г.: «Если оппоненты скажут нам, что мы тоталитарны, мы доминиканцы, мы непримиримы, мы деспотичны, то не следует бояться этих прилагательных. Примите их с честью и гордостью...» (Petersen, 2004).

Фашистский философ Дж. Джентиле в 1916 г. в одной из своих работ развивал идеи о поглощении элементов общества «тотальностью» государства и об «идентичности» государства и индивида. Но он начал пользоваться термином «тоталитаризм» только в 1925 г., когда сама концепция была уже изложена в «Доктрине фашизма». Термин «тоталитаризм» призван был подчеркнуть различие тоталитарных ценностей и либеральных: если либерал исходит из признания независимости ин-

дивида как фактической и моральной, то сторонник тоталитаризма считает индивида неотрывной частью государства и политической сферы общества» (Curtis, 1923).

Утопизм, отрицание индивидуализма и этатизм станут яркой чертой всех тоталитарных проектов первой половины XX в., критика которых и послужит базисом для развития современной теории тоталитаризма. Как отмечает Б. Бонджованни, Дж. Амендола не мог знать, что, используя новый термин, «он подарил лексикону политики один из самых удачных и мощных терминов столетия» (Bongiovanni, 2005). Продолжая развивать тему тоталитаризма, Н. А. Бердяев говорит об иррациональном характере политической системы, приобретающей характер культа: «Коммунистическая партия по своей структуре, по душевному складу своих адептов представляет что-то вроде атеистической секты, религиозной атеистической секты, захватывающей в свои руки власть» (Бердяев, 1990: 136). Сам же философ интерпретирует понятие «тоталитаризм» положительно.

В понимании Н. А. Бердяева тоталитаризм – это отражение духовного единства человека и Бога в религиозной системе мира. Тоталитаризм требует целостности веры – таково истинное предназначение этого явления, поэтому русский мыслитель обоснованно критикует антирелигиозный строй, входящий в онтологический конфликт с присущим ему тоталитарным настроением: «Коммунистическое общество и государство претендуют быть тоталитарными. Но это и есть основная ложь. Тоталитарным может быть лишь царство Божье, царство кесаря всегда частично» (Бердяев, 1990: 126). Философ обвиняет в секулярной религиозности тоталитарные режимы, так как она не способна дать рациональный ответ на политические, экономические и социальные вызовы. Вследствие специфичности идеологического восприятия действительности она стремится к созданию собственной квазиреальности внутри установившегося режима.

Следует также упомянуть одну из условных классификаций, которая во многом тождественна классификациям других исследователей, – например, М. Вебера, Э. Дюркгейма и др. – это деление на общества, которые в основном функционируют за счет рациональных и иррациональных регуляторов, ценностей, то есть существуют общества, функционирующие согласно иррациональным регуляторам, приобретшим рационализированный характер, либо, наоборот, рациональные ценности, приобретшие иррациональный характер. Р. Х. Кочесоков утверждает, что тоталитарное общество можно определить как последние два общества (Кочесоков, 1993: 11–12). Следует отметить, что к почти этому же мнению приходит и Н.А. Бердяев, когда говорит о тоталитарном режиме в СССР. Рациональное иррационализируется потому, что, во-первых, оно еще не является самостоятельным авторитетом для эффективного регулирования социальных функций, поэтому нуждается в обеспечении авторитетом; и, во-вторых, общество еще не способно относиться к рациональному как к рациональному. «Тоталитарный человек относится к рациональному также, как традиционный человек относился к иррациональному. Для него рациональное – вовсе не относительная истина, а абсолютная» (Кочесоков, 1993).

То, что термин «тоталитаризм» был подхвачен одновременно и сторонниками, и противниками фашизма, позволяет говорить о его понятийной амбивалентности. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что многие темы, связанные с тоталитаризмом откровенно необъективны, из-за их сугубо отрицательной направленности к явлению. Таким образом, имеет смысл пересмотреть этот феномен, чтобы понять саму его суть, без субъективного взгляда на него через призму преступных коннотаций, отходя также, и от идеологов тоталитаризма национал-социалистического толка.

Изучение проблематики тоталитаризма во второй половине XX в.

В годы «холодной войны» тоталитаризм выступал в качестве ударного идеологического оружия западного мира. Поэтому понятие было крайне идеологизировано и политизировано. Понятие «классического тоталитаризма» окончательно оформилось к началу 1950-х гг., благодаря научной деятельности Ф. фон Хайека и К. Поппера. Важным фактом оба мыслителя отмечают то, что с самого начала имели место дихотомия авторитарно-тоталитарного и демократического начал, которые, входя в столкновение друг с другом, в корне своих идей порождают ту самую борьбу в глубинных слоях социума.

Однако К. Поппер противопоставляет общества «открытого» и «закрытого» типа без анализа реальных политических режимов. Поэтому он вывел ряд признаков тоталитаризма: национализм – государство воспринимается как воплощение духа нации или расы; война как главный утверждающий суверенитет инструмент; этическое оправдание войны; освобождение государства от моральных обязательств; исключительная роль всемирно-исторической личности. Поппер, утверждая, что цели

государства должны быть ограничены, одновременно с тем, однако, пропагандирует государственный интервенционализм: «Мы должны сконцентрировать опирающийся на мощь государства социальный институт защиты экономики слабых от экономики сильных. Государство должно заботиться о том, чтобы никому не приходилось вступать в непоседливые отношения из страха голодной смерти или экономического краха. Это, конечно, означает, что принцип государственного невмешательства в экономику... должен быть отброшен... Нельзя допускать, чтобы экономическая власть доминировала над политической властью» (Поппер, 1992: 196). Здесь он высказал важную мысль о том, что тоталитарный человек, будучи в системе, не осознает собственной несвободы, так как он лишен способности критической оценки и самостоятельного принятия решения.

Классическая теория тоталитаризма оформилась благодаря компаративному анализу фашизма, национал-социализма, сталинизма и иных форм социалистической диктатуры – их сравнение дало основание полагать, что все примеры идеологических государств имеют одно единственное общее – особую форму устройства, которую нельзя назвать авторитарной диктатурой.

Классикой жанра в изучении и обличении тоталитаризма стали работы ярых противников этого режима: Х. Арндт «Истоки тоталитаризма» и К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия».

В работе Х. Арндт можно отметить глубокий философский анализ не только социально-идеологических тонкостей, но и не менее важных экономических и социокультурных составляющих тоталитаризма. «Истоки тоталитаризма» отличаются широкой базой исследования, поскольку автор опирается не только на современную литературу, но и на результаты исследований довоенного времени, вплоть даже до установления этих режимов (середина 1920-х – начало 1930-х гг.). Системно анализируя данные примеры, философ приходит к объективному выводу, что наиболее всего соответствуют тоталитарному режиму Третьего рейха и СССР сталинского периода. Сама по себе структура этих двух государств довольно схожа, даже несмотря на те значимые идеологические и экономические различия, которые для них характерны. Х. Арндт конкретно подразделяет их на тоталитаризм разных социально-идеологических норм.

Также, Арндт утверждает, что тоталитаризм привёл к высокой степени дробления общества, сделав его исключительно несоборным и неконсолидированным. Однако советское гражданское общество вряд ли можно обозначить именно таким – скорее наоборот, высокая степень коллективизации сделало это общество также и высоко консолидированным. Здесь связующим элементом вновь стала идея – идея коммунистическая.

Арндт создавала концепцию тоталитаризма прежде всего на немецком материале и механически спроецировала на советский опыт ряд черт, присущих только национал-социализму (Арндт, 1996). В её время подобная проекция воспринималась как вызывающе смелая: потерпевший поражение, полностью дискредитированный и официально осужденный в Нюрнберге режим сравнялся с общественным устройством страны-победительницы, значительно расширившей в результате войны свое влияние (Рыклин, 2002). Это в дальнейшем дало возможность начать дискредитирующую пропаганду против СССР.

Обращаясь уже к работам К. Фридриха и З. Бжезинского, необходимо отметить, что они стали классикой для исследований тоталитаризма. Важно отметить что этот факт имел широкое идеологическое влияние на все последующие исследования, поскольку они, как и Арндт, занимались критикой тоталитаризма, исходя из имеющихся исторических примеров, мало занимаясь изучением самой сути тоталитаризма. Мыслители обращаются к идее того, что тоталитаризм по факту является новой адаптацией автократии к изменяющемуся экономическому индустриализму.

Как известно, и в Третьем рейхе, и в фашистской Италии и в СССР воля властных элит преподносилась как воля народа, благодаря чему не имела никаких поводов для сомнения и осуждения, занимая тем самым очень выгодную легитимную позицию. Таким образом фиксировалась и маскировалась полная безотчётность власти в плане принимаемых решений, что соотносит тоталитаризм с автократией в большей степени, чем можно было бы предположить.

И З. Бжезинский, и К. Фридрих однозначно утверждают, что появление тоталитаризма оказалось невозможно предсказать исключительно из-за сложившейся сложной социально-политической ситуации: тоталитаризм и имеющиеся примеры его идеологизированного использования стали результатом распадавшейся международной системы колониальных империй, так как вакуум, созданный Великой Отечественной войной, был обязателен к заполнению чем бы то ни было. Так нашлись целеустремлённые люди, которые стали основателями нацизма, фашизма и т.д.

Их формирование стало возможным, а высокие шовинистические настроения в обществе стали отличным катализатором.

Выявляется глубокая схожесть правого тоталитаризма и левого. Суть и того и другого заключается, по мнению К. Фридриха и З. Бжезинского, в абсолютном контроле над экономическим сектором государства, а также глубочайшей идеологизированности всех аспектов общественной жизни.

Таким образом, эти мыслители предлагают противопоставлять западную демократию тоталитаризму любого толка, при том, что именно возникновение и распространение массовой демократии открыло возможность для появления и становления тоталитарных режимов. Дальнейшая критика подытожила тот факт, что тоталитарные режимы с большим трудом и низкой вероятностью поддаются каким-либо социально-политическим изменениям, однако это оспаривалось (например, К. Фридрих полагал, что тоталитаризм не является законченной структурой и является величиной лишь относительной (Бжезинский и Фридрих, 1965)). В конечном итоге такая практика аналитики стала главенствующей и породила дискурс о противостоянии и противопоставлении форм тоталитарных государств и принципов западного демократизма.

Работы исследователей задали основное направление дискурса изучения тоталитаризма, заключающееся исключительно в сравнении с демократическими режимами и последующим поступательным осуждением тоталитаризма. К середине 1970-х гг. в том же ключе получила своё распространение тематика рассмотрения тоталитаризма с психоаналитической точки зрения (Адорно, 2001; Фромм, 2016), а также на базе политико-культурного дискурса (Алмонд и Верба, 1992). Стоит, однако, акцентировать внимание на том, что все эти концептуальные особенности исследования тоталитаризма были сосредоточены не на самой ключевой проблематике, или, если угодно, сути тоталитаризма, но на том, каковой эта проблематика должна быть и в каком ключе её следует воспринимать. Кроме того, благодаря такому идейному восприятию феномена появился ряд популистской риторики, что идет в разрыв с коннотациями тоталитаризма как некоего феномена политического устройства, переводя его в феномен социально-культурный. Благодаря этому в сам термин вносится окраска идеологизированности, пропитавшей XX в. в целом.

Подходы к исследованию тоталитаризма в XXI в.

Если в XX в. исследователи преимущественно рассматривали тоталитаризм через призму структурного анализа, то в наше время они перешли к исследованиям с помощью форм психоаналитики и психогенеза, вкуче с когнитивистикой. Начались поиски углубленных «корней» феномена в ранних эпохах, для выявления его антропогенеза.

В XXI в. была поставлена проблема инвертированного тоталитаризма (Wolin, 2008). Исследователи перешли уже к изучению психологических основ тоталитаризма и ушли от упрощающих классификаций и вечных сравнительных анализов. Однако это стало возможным только после падения крупнейшего тоталитарного государства XX в. – СССР – так как после падения «идеологического» врага надобность в постоянной демонизации темы отпала.

Есть версия, озвученная Ф. Фюрэ, что СССР был даже более тоталитарным, чем нацистская Германия. Из этого делается вывод, что точкой отсчёта тоталитаризма является само государство, в его всеобъемлющей форме: тогда «социальное соглашение», которое создаётся при такой форме государства, становится новым методом социального контроля за массами. Однако тот же самый Фюрэ высказал точку зрения, что тоталитаризм как феномен и как понятие с большим трудом поддаётся понятному определению (Михайленко, 1998).

В послевоенное время утверждалось, что тоталитаризм является антиподом демократии, но только потому, что западная демократия воспринимается автоматически как либеральная, отталкиваясь от капиталистических принципов глубоко социального индивидуализма, который скорее нужно было бы назвать социальным эгоизмом (Ковелина и др., 2012).

Таким образом, стоит задать вопрос несколько по-иному: если тоталитаризм автоматически является противником демократии, то следует понять, что есть демократия? Ведь можно вспомнить о понятии «тоталитарной демократии», которая встречается в современности (Кожевников, 2007).

Термин «тоталитарная демократия» (или тирания равенства) возникает в третьей четверти XX в., в работах Б. де Жувенеля (Жувенель, 2010), а впоследствии и в работах Дж. Талмона (Талмон, 1993) и Г. Маркузе, однако куда актуальнее и живее в обсуждении они стали в наше время. На этот феномен необходимо обратить внимание, так как сейчас это стало касаться наиболее значимых «демократических» государств мира. В отношении такой крупнейшей страны как США, журналистка

М. Симоньян говорит: «Страна, в которой за 250 лет не возникла – а если и возникала, то не смогла даже близко приблизиться к участию в высоком политическом процессе – партия, которая отражала бы безусловные чаяния большинства населения, такие как бесплатная медицина, бесплатное высшее образование для всех, декретный отпуск; такой партии нет, и она не смогла возникнуть за 250 лет, потому что правящая верхушка этого не позволяла. Такая страна тоталитарна».

Безусловно, нужно сделать акцент на том, что слова М. Симоньян могут быть не менее субъективны и возможно наполнены антиамериканским пропагандистским подтекстом, однако смысл в данном выражении имеется, поскольку оно отражает действительную историческую суть. Поэтому размышление о «тоталитарности» замкнутой двухпартийной системы США может стать основой для переосмысления самого термина «демократия» и антагонистичного к нему термина «тоталитаризм».

Таким образом, концепт тоталитаризма как полной антагонистической противоположности демократии, рассматривается исключительно однобоко, полностью игнорируя работы тех авторов, которые по своим убеждениям были или нейтральны по отношению к демократии (традиционалисты), или же были сторонниками тоталитарного устройства государства и общества.

Несмотря на то, что в XXI в. политологи изучают феномен тоталитаризма вне явных идеологических или политических рамок, они видят в тоталитаризме исключительное зло. При этом оно структурно, поскольку стало понятно, что тоталитаризм способен к существованию и без идеологии. Однако уже в конце XX в. стало ясно: идеологии становятся орудием и содержательным придатком к тоталитарной структуре общества.

К особо значимым современным исследователям тоталитаризма можно отнести работу С. Куртуа «Чёрная книга коммунизма», в которой историк последовательно изучает и приводит истоки тоталитаризма. Под его редакцией были изданы сборники работ парижских коллоквиумов начала 2000-х гг., на которых исследователи-коллеги изучали феномен тоталитаризма XX в. и также пытались найти и описать его истоки. В том числе приводилось к рассмотрению и изучение современной проблематики тоталитаризма, его логических концептуальных особенностей, «унаследованных» от форм прошлого столетия.

С. Куртуа приводит следующее определение: он утверждает, что как таковая власть в тоталитарном государстве стремится не просто к своему упрочению, но к полному, *тотальному* господству над абсолютно всеми сферами жизни общества посредством эдаких «трёх столпов» (Куртуа и др., 2001):

1. Политический, который объединяет все институты отправления власти (любой) под управлением одной единственной идейной группы людей – то есть партии.
2. Интеллектуальный, который является, с одной стороны, пропагандой, а с другой – образованием.
3. Экономический, где подрывается важнейший для западных либеральных демократий принципиальный устой частной собственности; а также происходит уход от рыночной экономической системы к плановой, в которой появляется возможность для контроля государством всех экономических процессов.

Схожее по структуре определение даёт итальянский исследователь Э. Джентиле, который преподносит структурный анализ итальянского тоталитаризма. Он утверждает, что итальянский фашизм был лишь путём к тоталитаризму, хотя и имел явные тоталитарные черты: являясь симбиотом боевой фашистской культуры, антилиберальным и антидемократическим духом, которым была проникнута Италия того времени (Gentile, 2004). Целью всей этой системы было воспитание новой, тоталитарной политической культуры, которая, по мнению Джентиле, должна была стать комплексом институциональных, идейно-мировоззренческих и культурных процессов, а затем и предприятий. Тем не менее, фашизм, в отличие от коммунизма, не стремился к отторжению частной собственности, но наоборот – беспрекословно защищал это право гражданина, стремясь реализоваться через культурно-политическую составляющую общества, отвергая всякое либеральное начало.

Доступное и справедливое, по нашему мнению, определение дал немецкий учёный У. Бакес. Через все его работы проходит идея концепта «тоталитарное мышление», которое и является центральным-образующим для тоталитарного государства. Исследователь обращает внимание своих коллег на то, что абсолютное большинство предыдущих исследователей тоталитаризма занимались анализом институциональной структуры тоталитарных государств и присущих им идеологий, однако обходили стороной интеллектуальную составляющую, а также структуру ориентаций и ценностных установок, которая по сути своей становилась корневой частью режима – это породило поверхностную фрагментарность взглядов относительно тоталитаризма (Backes & Jesse, 1984).

Хотя первым шагом на пути к исследованию системы ценностей можно назвать концепцию Р. Арона, который отнес тоталитарную идеологию к «политической» или «светской» религии и книгу Р. Лифтона 1961 г. «Китайское изменение мысли и психология тотализма», однако в их трудах незаметна грань между тоталитарными и традиционными религиями, следствием чего могли стать обвинения в адрес классических религий. Рассматривая логику тоталитарной мысли, современные исследователи особое значение придают понятию «политическая религия», пытаясь найти для тоталитарных идеологий нейтральную по смыслу формулу: «сциентистско-мессианская» (Куртуа и др., 2001), «мессианский унанимизм» (Слущкая, 2012) и даже «антиидеологическая» идеология (Gentile, 2004).

Итак, Бакес приводит термин «доктрина земного спасения» как альтернативу тем вариантам, которые были предложены выше. Он чётко разграничивает религию классическую и религию тоталитарную, то есть, политическую: «В феноменологической перспективе религий тоталитарные идеологии представляются не просто в качестве функционального эквивалента религиозных доктрин спасения, но типологически и интеллектуально приближаются к ним, по крайней мере, в их “хилиастических”, “гностических” и “манихейских” формах» (Backes & Jesse, 1984).

Далее, У. Бакес выносит суждение, что сами по себе интеллектуальные черты тоталитаризма достаточно древние, несмотря на то, что практические условия для его возникновения и апогея появились только в начале прошлого столетия. Он утверждает, что для понимания возникновения тоталитаризма необходимо исследовать, какие образы мышления лежат в его основе и когда конкретно они появляются. Корни такого образа мышления исходят из некоторых определённых потребностей и желаний, которые являются базовыми для человеческой природы: безопасность, понятность, простота, цельность.

Тоталитаризм претендует на абсолютность свою и своих принципов, стремясь стать идеалом. Это порождает фанатический пыл, который поражает умы масс и является своего рода индульгенцией для режима в глазах его приверженцев. Далее следует разрыв: эта новая идея не идёт по пути религий, но предлагает разбить цепь религиозной замкнутости, создав «нового человека», который сумеет создать то самое «царство Божие на земле», без помощи того самого Бога. Для пояснения этого У. Бакес использует «идею единства» и предлагает основу для «объективного» и всеобъемлющего определения общего блага. Согласно его концепции, тоталитарное мышление стремится к монополизации и унитаризации власти, для чего абсолютно необходимой является полная очистка политического пространства.

Итак, из этого можно обозначить промежуточный вывод, сделанный европейскими учёными: по сути, палингенетическая логика тоталитаризма порождает своего рода сложную, структурированную политическую религию, которая генерируется изначально не для обмана и контроля населения посредством различных манипуляций, но в целях формирования принципиально нового, концептуально полностью лояльного этому тоталитарному режиму общества.

Исследования тоталитаризма до сих пор в некоторой степени табуированы или же пишутся с исключительно негативной точки зрения, без шанса на малейшую объективность. Несмотря на то, что по теме было написано немало количество работ, они преимущественно анализируют данный феномен через негативную призму восприятия. По большей части это связано с историческими условиями их появления. В силу разных обстоятельств все подобные политические режимы в конечном итоге становились угрозами в глазах других государств. Однако это не означает, что тоталитаризм всегда и во всех своих проявлениях может быть и будет «негативным».

В результате исследования был сформирован ряд основных выводов:

1. Подтвердилось предположение о том, что исследования тоталитаризма крайне разрознены и трактовки каждого из них зависят исключительно от авторского восприятия и оценки;
2. До Второй мировой войны количество работ о тоталитаризме не было большим, а авторы этих работ либо определяли феномен достаточно нейтрально, либо с незначительной критикой;
3. Большинство трудов, которые негативно описывают феномен тоталитаризма, были написаны уже после Второй мировой войны; крайне критичная окраска данных исследований обусловлена влиянием демократических ценностей, которые активно продвигались в странах, не входящих в Организацию Варшавского договора.

Так, вопрос объективности исследований, которые изначально должны быть нейтральными, подвергается сомнению. Этика науки требует объективного и беспристрастного отношения к любому

исследуемому объекту и предмету. Однако в данном случае в большинстве работ можно заметить довольно чётко оформленную оценку. Это свидетельствует о том, что ангажированность, вмешательство идеологий и политиков в науку искажает понимание феномена и саму его суть.

Неоднозначность, противоречивость, а также отсутствие критериев, позволяющих чётко определить тоталитарные компоненты политических процессов и элементов политических систем делают из тоталитаризма инструмент популистских манипуляций. Более того – на данный момент это становится рычагом давления и дискредитации некоторых государств в угоду политической выгоде.

Список литературы / References

- Адорно, Т. (2001) *Исследование авторитарной личности*. Москва: Серебряные нити. [Adorno, T. (2001) *The Authoritarian Personality* [Issledovanie avtoritarnoj lichnosti]. Moscow: Serebryanye niti. (In Russ.)].
- Алмонд, Г. А., Верба, С. (1992) 'Гражданская культура и стабильность демократии', *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 122–134. [Almond, G. A. and Verba, S. (1992) 'The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations' [Grazhdanskaya kul'tura i stabil'nost' demokrati], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 4, pp. 122–134. (In Russ.)].
- Арендт, Х. (1996) *Истоки тоталитаризма*. Москва: ЦентрКом. [Arendt, H. (1996) *The Origins of Totalitarianism* [Istoki totalitarizma]. Moscow. (In Russ.)].
- Бердяев, Н. А. (1990) *Истоки и смысл русского коммунизма*. Москва: Наука. [Berdyayev, N. A. (1990) *The Origins and Meaning of Russian Communism* [Istoki i smysl russkogo kommunizma]. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Жувенель, Б. де. (2010) *Власть. Естественная история ее возрастания*. Москва: ИРИСЭН, Мысль. [Zhuvenel', B. de. (2010) *On Power: The Natural History of Its Growth* [Vlast'. Estestvennaya istoriya ee vozrastaniya]. Moscow: IRISSEN, Mysl'. (In Russ.)].
- Ковелина, Т. А., Лагутин, А. О., Онищенко, В. Л. (2012) 'Эгоизм как принцип жизненной ориентации в контексте этических концепций М. Штирнера и И. Бентама (историко-философский аспект)', *Общество и право*, 4 (41), сс. 309–311. [Kovelina, T. A., Lagutin, A. O. and Onishchenko, V. L. (2012) 'Egoism as principle of the vital orientation in a context of ethical concepts of M. Shtirner and I. Bentam (historic-philosophical aspect)' [Egoizm kak princip zhiznenoj orientacii v kontekste eticheskikh koncepcij M. SHtirnera i I. Bentama (istoriko-filosofskij aspekt)], *Society and law*, 4 (41), pp. 309–311. (In Russ.)].
- Кожевников, В. П. (2007) *Политический и духовный тоталитаризм современной цивилизации: монография*. Нижний Новгород: ННГАСУ. [Kozhevnikov, V. P. (2007) *Political and Spiritual Totalitarianism of Modern Civilization: monograph* [Politicheskij i duhovnyj totalitarizm sovremennoj civilizacii: monografiya]. Nizhnij Novgorod: NNGASU. (In Russ.)].
- Кочесоков, Р. Х. (1993) *Тоталитаризм: философско-политическое исследование*: автореф. ... д.филос.н. Ростов н/Д. [Kochesokov, R. H. (1993) *Totalitarianism: a philosophical and political study* [Totalitarizm: filosofsko-politicheskoe issledovanie], Abstract of D.Sc. dissertation, Rostov-on-Don. (In Russ.)].
- Куртуа, С. (ред.) (2001) *Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии*. Москва: Три века истории, 2-е изд. [Courtois, S. (ed.) (2001) *The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression* [Chyornaya kniga kommunizma: prestupleniya, terror, repressii]. Moscow: Tri veka istorii, 2nd ed. (In Russ.)].
- Михайленко, В. И. (2000) *Эволюция политических институтов современной Италии: методологический аспект*. Екатеринбург: Банк культурной информации. [Mihajlenko, V. I. (2000) *Evolution of Political Institutions in Modern Italy: methodological Aspect* [Evoluciya politicheskikh institutov sovremennoj Italii: Metodologicheskij aspekt]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii. (In Russ.)].
- Михайленко, В. И. (2011) 'Современные исследования тоталитаризма', *Известия Уральского государственного университета*, Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры, 1 (86), сс. 181–192. [Mihajlenko, V. I. (2011) 'Modern research on totalitarianism' [Sovremennye issledovaniya totalitarizma], *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury, 1 (86), pp. 181–192. (In Russ.)].

- zovaniya, nauki i kul'tury, 1 (86), pp. 181–192. (In Russ.).
- Ортега-и-Гассет, Х. (2002) *Восстание масс*. Москва: Издательство АСТ. [Ortega-i-Gasset, H. (2002) *The Revolt of the Masses* [Vosstanie mass]. Moscow: Izdatel'stvo AST. (In Russ.).]
- Поппер, К. (1992) *Открытое общество и его враги*. Москва: Феникс, Международный фонд «Культурные инициативы». [Popper, K. (1992) *The Open Society and Its Enemies* [Otkrytoe obshchestvo i ego vragi]. Moscow: Feniks, International Foundation for Cultural Initiatives. (In Russ.).]
- Рыклин, М. К. (2002) *Пространства ликования. Тоталитаризм и различие*. Москва: Логос. [Ryklin, M. K. (2002) *Spaces of jubilation. Totalitarianism and difference* [Prostranstva likovaniy. Totalitarizm i razlichie]. Moscow: Logos. (In Russ.).]
- Слущкая, Л. В. (2012) 'Феномен тоталитаризма в современной западноевропейской политологии', *Вестник БДУ, сер. 1, Политология*, 1, сс. 56–59. [Sluckaya, L. V. (2012) 'The phenomenon of totalitarianism in modern Western European political science' [Fenomen totalitarizma v sovremennoj zapadnoevropejskoj politologii], *Vestnik BDU. Ser. 1, Politologiya*, 1, pp. 56–59. (In Russ.).]
- Сташис, В. О. (2020) 'Тоталитаризм в современной социальной философии: к проблеме концептуального определения', *Журнал Белорусского государственного университета: Философия и Психология*, 2, сс. 25–32. [Stashis, V. O. (2020) 'Totalitarianism in modern social philosophy: to the problem of conceptual definition' [Totalitarizm v sovremennoj social'noj filosofii: k probleme konceptual'nogo opredeleniya], *Journal of the Belarusian State University: Philosophy and Psychology*, 2, pp. 25–32. (In Russ.).]
- Талмон, Дж. Л. (1993) 'Истоки тоталитарной демократии' в: Верченнов, Л. Н. (ред.) *Тоталитаризм: что это такое?* (исследования зарубежных политологов). Сборник статей, обзоров, рефератов, переводов, часть 1. Москва: ИНИОН. [Talmon, Dzh. L. (1993) 'The origin of totalitarian democracy' [Istoki totalitarnoj demokratii] in: Verchenov, L. N. (ed.) *Totalitarizm: chto eto takoe?* (issledovaniya zarubezhnyh politologov). Sbornik statej, obzоров, referatov, perevodov. Moscow: INION, part 1. (In Russ.).]
- Тяпин, И. Н. (2019) *Новый тоталитаризм и государство справедливости: неизбежность выбора*. Москва: ДПК Пресс. [Tyarin, I. N. (2019) *New totalitarianism and the state of justice: the inevitability of choice* [Novyj totalitarizm i gosudarstvo spravedlivosti: neizbezhnost' vybora]. Moscow: DPK Press. (In Russ.).]
- Фромм, Э. (2016) *Бегство от свободы*. Швеция, Нючёпинг: Философский архив. [Fromm, E. (2016) *Escape from freedom* [Begstvo ot svobody]. Sweden, Nyköping: Filosofskij arhiv. (In Russ.).]
- Хаксли, О. (2014) *О дивный новый мир*. Москва: Издательство АСТ. [Huxley, O. (2014) *Brave New World* [O divnyj novyj mir]. Moscow: Izdatel'stvo AST. (In Russ.).]
- Шутов, В. С. (1998) 'Сомнения в теории тоталитаризма', *Тоталитаризм и тоталитарное сознание*, 2, сс. 107–118. [Shutov, V. S. (1998) 'Doubts in the theory of totalitarianism' [Somneniya v teorii totalitarizma], *Totalitarizm i totalitarnoe soznanie*, 2, pp. 107–118. (In Russ.).]
- Amendola, G. (1923) 'Maggiornanza e minoranza', *Il Mondo*.
- Backes, U. (2006) 'La pensée totalitaire', *Les logiques totalitaires en Europe au XXe siècle*, pp. 49–50.
- Backes, U. and Jesse, E. (1984) *Totalitarismus, Extremismus, Terrorismus*. Ein Literaturführer und Wegweiser im Lichte deutscher Erfahrung. Leske und Budrich, Opladen, Germany.
- Bongiovanni, B. (2005) 'Totalitarianism: the Word and the Thing', *Journal of Modern European History*, pp. 5–17.
- Curtis, M. (1981) 'Totalitarianism: A Monolithic Entity?' in: Menze, E. (ed.) *Totalitarianism reconsidered*. Kennikat Press, Port Washington, NY, pp. 123–126.
- Friedrich, C. and Brzezinski, Zb. (1965) *Totalitarian dictatorship and autocracy*. Harvard University press, Cambridge, Massachusetts.
- Gentile, E. (2004) 'Fascism, Totalitarianism and Political Religion: Definitions and Critical Reflections on Criticism of an Interpretation', *Totalitarian Movements and Political Religions*, 5, no. 3, pp. 326–375.

Menze, E. (1981) *Totalitarianism Reconsidered*. Kennikat Press, Port Washington, NY.

Petersen, J. (2004) 'The history of the concept of totalitarianism in Italy', in: Maier, H. (ed.) *Totalitarianism and Political Religion: Concepts for the comparison of dictator-*

ships, 1, Routledge, London, UK, pp. 3–21.

Wolin, Sh. (2008) *Democracy incorporated: managed democracy and the specter of inverted totalitarianism*. Princeton University Press, Princeton, NJ.

Статья поступила в редакцию: 06.05.2021

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 10.07.2021

Статья принята к печати: 30.07.2021

THEORIES OF TOTALITARISM: QUESTION OF OBJECTIVITY

N. V. Klimenko, V. V. Sedov, I. I. Potapov

N.V. Klimenko, student, The Faculty of Political Science, St. Petersburg State University.

E-mail: klimenkomikita@gmail.com (ORCID: 0000-0002-1276-0870).

V. V. Sedov, student, The Faculty of Political Science, St. Petersburg State University.

E-mail: wladislawsedow@gmail.com (ORCID: 0000-0001-7915-8457)/

I. I. Potapov, Postgraduate student, School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University.

E-mail: ivan.i.potapow@gmail.com (ORCID: 0000-0003-1982-1469).

Abstract

Research of totalitarianism in modern science is changing. Over time, it has become clear that it is necessary to revise the basic approaches to the study of this problem. The article is devoted to the research of the main theoretical concepts of totalitarianism of the XX-XXI centuries for their bias. An attempt is made to systematically analyze existing works in order to identify similar and different features in approaches to the study. The methodology is based on the analysis of the works of leading philosophers and political scientists. The comparative research method helps to see how much scientific works and their authors are engaged. The research determines the parallels that exist between the dominant and less widespread views on the phenomenon of totalitarianism. The authors consider different levels of problems that hinder the formation of a detached scientific discourse about this phenomenon. The analysis of individual works helps to formulate and understand the main views on this political regime. The main result of the research is the possibility of raising the question of the objectivity of the approaches of European and American scientists in the study of totalitarianism.

Keywords: totalitarianism; political systems; forms of government; ideology; democracy; liberalism.